

Именно там в 1300 г. Дуне Скот начал изучать теологию, и содержание этого образования определило предмет его первого трактата — «Комментария к Сентенциям», более известного как «Оксфордское сочинение» («Opus Oxoniense»)*. В 1302 г. молодой магистр возвращается в Париж и, чтобы получить там докторскую степень, во второй раз комментирует тот же текст. Этому мы обязаны второй редакцией «Комментария», известной под названием «Парижские сообщения» («Reportata Parisiensia»)**. Изгнанный из Франции в 1303 г. вместе со многими другими деятелями, ставшими на сторону Святого Престола во время конфликта с ним Филиппа Красивого, в 1304 г. Дуне Скот возвращается в Париж, где в следующем году становится доктором теологии. Из Парижа в 1307 г.

он был послан в Кёльн, где скончался 8 ноября 1308 г. Помимо двух Комментариев к Петру Ломбардскому, он оставил нам несколько сочинений по логике, а также имеющие большое значение «Вопросы по метафизике», «Вопросы для широкого обсуждения» («Quaestiones quodlibetales») и трактат «О первоначале» («De primo principio»)***. Даже если не брать в расчет других, менее важных произведений или таких, принадлежность которых Дунсу Скоту не вполне установлена, огромная работа, выполненная магистром, умершим в возрасте 42 лет, приводит в восхищение.

Эта преждевременная кончина, безусловно, лишила нас произведений, в которых сегодня мы могли бы найти полное выражение его мысли, и их отсутствие вызывает искреннюю скорбь. Относительно многочисленных важных предметов мы ограничены знанием, что он о них думал, не будучи в состоянии сказать, как он обосновывал свои мысли. Напротив, общая направленность философии Дунса Скота ясна, и мы, не рискуя впасть в заблуждение, можем отнести его к числу средневековых философов. В рамках своего учения сам Дуне Скот более ориентируется на теологию. Собственный объект теологии — это Бог как таковой; объект философии или, скорее, метафизики, которая увенчивает ее, — это бытие как таковое. Из этого различия следует, что метафизика не в состоянии возвыситься до Бога самого по себе, который является объектом теологии, — она может рассматривать Бога только как бытие. Это первое ограничение сверху на компетенцию метафизики. Снизу на него накладывается другое ограничение, которое касается самой метафизики на ее собственной почве. Говорить о бытии как о таковом — значит считать объектом бытие как таковое без всякого ограничения, которое свело бы его до такой формы детерминированного бытия. Оказывается, что человек должен извлекать свое знание из чувственно воспринимаемого. Следовательно, человеческий интеллект по-настоящему знает о

449 1. Дуне Скот и реалисты XIV века

бытию лишь то, что он способен абстрагировать из чувственных данных. У нас нет никакого непосредственного представления о том, чем могут быть чисто нематериальные и умопостигаемые субстанции, например Бог и ангелы. Будем считать поэтому, что мы не только не знаем их собственной природы, но и не можем даже понять, что означает слово «быть» в приложении к ним. Следовательно, вся наша метафизика есть наука о бытии как таковом, сконструированная разумом, который может проникнуть в душу только в одном каком-либо из ее аспектов и который не есть наивысший.

Если ситуация такова, то что нужно сделать, чтобы метафизика стала возможной? Нужно в качестве объекта дать ей понятие бытия настолько абстрактного и недетерминированного, чтобы его можно было применять ко всему, что есть, безразлично. Поэтому метафизика не может ставить перед собой задачу достичь того акта существования (*ipsum esse*), который, согласно учению св. Фомы, есть центральное ядро